

НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ ПРОЩЕНИЯ

КОНЦЕПТ ПРОЩЕНИЯ

Священник Вячеслав Ключев
/ Станислав Владимирович Ключев

магистр психологии
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
191023, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15
advokat.udm@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-5632-6646>

Для цитирования: *Ключев В., свящ.* Лингвистические аспекты христианской теологии прощения: концепт прощения // Богословский вестник. 2023. № 4 (51). С. 131–146. DOI: 10.31802/GB.2023.51.4.007

Аннотация

УДК 27-1 (81'42)

Прощение — фундаментальное понятие христианской теологии, воплощающее суть Божьей любви и милосердия к человечеству и указывающее на вершину христианской нравственности. Автором подчёркивается значение языка в выражении, получении и воплощении прощения, в связи с чем теологическое исследование христианского прощения предлагается начать с анализа лингвистического концепта прощения и покаянного дискурса в русском языке. Язык, используемый в Священном Писании для описания Божьего прощения, отражает Его божественную природу. Такие слова, как благодать, милосердие, любовь, примирение, используются для того, чтобы передать существо, глубину и величие Божьего прощения. С помощью этих языковых выражений раскрывается христианский принцип подражания Богу, позволяющий христианину распространить прощение на других.

Ключевые слова: прощение, милость, извинение, обида, благодать, русский язык, лингвистика текста, анализ дискурса.

Linguistic Aspects of Christian Theology of Forgiveness: The Concept of Forgiveness

Priest Vyacheslav Klyuev / Stanislav V. Klyuev

MA in Psychology

postgraduate student of the Russian Christian Humanitarian Academy

15, Fontanka River embankment, St. Petersburg, 191023, Russia

advokat.udm@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-5632-6646>

For citation: Klyuev, Vyacheslav V., priest. "Linguistic Aspects of Christian Theology of Forgiveness: The Concept of Forgiveness". *Theological Herald*, no. 4 (51), 2023, pp. 131–146 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.51.4.007

Abstract. Forgiveness is a fundamental concept in Christian theology, embodying the essence of God's love and mercy for humanity and pointing to the pinnacle of Christian morality. The author emphasizes the importance of language in the expression, receipt and embodiment of forgiveness, and therefore the theological study of Christian forgiveness is proposed to begin with an analysis of the linguistic concept of forgiveness and repentant discourse in the Russian language. The language used in Scripture to describe God's forgiveness reflects His divine nature. Words such as grace, mercy, love, reconciliation are used to convey the substance, depth and greatness of God's forgiveness. Through these linguistic expressions the Christian principle of imitation of God is revealed, allowing the Christian to extend forgiveness to others.

Keywords: forgiveness, mercy, apology, resentment, grace, Russian language, text linguistics, discourse analysis.

Введение

Феномен прощения является предметом активного исследования теологии, философии, этики, социологии, права, психологии и лингвистики. До настоящего времени возникают и, безусловно, будут сохраняться в будущем затруднения в понимании этого феномена, поскольку отсутствует универсальное определение прощения, но присутствует явная двусмысленность и нередко имеют место злоупотребления в использовании слова «прощение» и его производных в повседневной жизни.

Основной вопрос дискурса о прощении следующий: в чём состоит сущность настоящего прощения? От ответа на него напрямую зависят дальнейшие направления мысли в междисциплинарных исследованиях феномена прощения. Различные теоретико-методологические подходы к исследованию прощения свидетельствуют о дискурсивной и дисциплинарных неопределённостях понятия прощения. Более того, феномен прощения открывается исследователям настолько ошеломляюще масштабным, что заставляет говорить о том, что само понятие прощения трансдискурсивно и поэтому позволяет сохранять гетерогенность и взаимовлияние всех возможных дискурсов прощения, включая те, что могут быть вновь заданы событиями его практического осуществления.

«Прощение» является одним из ключевых, фундаментальных понятий в христианстве. Правильное понимание прощения как теологической добродетели крайне важно для всех христиан. Ведь прощение составляет ядро христианского вероучения и коренится в сотериологии — богословской доктрине спасения души. Ни о какой другой добродетели в христианстве не говорится, что её приобретение гарантирует прощение грехов Богом, то есть спасение, а её отсутствие — непрощение Бога по отношению к человеку. Только о прощении.

Св. Симеон Новый Богослов утверждает, что «добродетель есть не что иное, как исполнение воли Божией»¹. Значит, правильное понимание и практика прощения в христианстве предполагают исполнение человеком воли Божией и её значимость для какого-то особо положительного результата, например, для судьбы человека в вечности.

1 *Symeon Neotheologus. Capita alphabetica* [Dub.] 23 L. 116–117 // *Ἁγίου Συμεῶν τοῦ Νέου Θεολόγου Ἀλφαβητικὰ Κεφάλαια*. Mount Athos, 2005. Σ. 322: «οὐδὲν ἄλλο καθορᾶν ἀρετὴν εἶναι κυρίως δύναται, ἢ τοῦ θείου θελήματος τὴν ἐκλήρωσιν». Рус. пер.: *Симеон Новый Богослов, прп.* Слово 4, 4 // Слова преподобного Симеона Нового Богослова / в переводе на русский язык с новогреческого епископа Феофана. Вып. 1. Москва, 1892. С. 47.

Раскрытие лингвистических аспектов феномена прощения и христианской теологии прощения позволяет договориться о терминах, обуславливает возможность правильного понимания и реализации на практике христианского концепта прощения. Определению и детализации семантического поля слова «прощение» способствует семантический анализ значений и взаимоотношений целого ряда слов. Он охватывает весь спектр понятий, взаимоотношений и признаков, определяющих концепт «прощение», и позволяет упорядочить связи между ними.

Современные лингвистические исследования концепта прощения обладают важными эвристическими ресурсами. Исторические слова, связанные с категориями прощения и милости, включая понятийные пары и семантические ряды, во многом развивались в рамках формирования религиозных представлений (прежде всего иудаизма и христианства). Через национальный язык происходит усвоение культурных навыков, формируются национальные особенности социализации. Язык также участвует в институционализации прощения.

И. А. Стернин предлагает использовать термин «коммуникативное сознание» («языковое мышление», «речевое мышление») для понимания совокупности психических механизмов, порождающих язык, понимающих речь и хранящих её в сознании, то есть психических механизмов, обеспечивающих процесс речевой деятельности человека². Мышление формируется у человека в процессе овладения языком и совершенствуется в течение всей жизни по мере того, как человек приобретает знания о правилах и нормах языка, новых словах и значениях, развивает коммуникативную компетенцию в различных областях и изучает новые языки. Знания о том, как исторически формировалась семантическая архитектура концепта «прощение», и детализация семантического содержания слова «прощение» в национальном языковом сознании позволят правильно формулировать теологические дефиниции, выявляя слова и определения, наиболее оптимальные для теологического дискурса о прощении.

Чтобы по-христиански правильно понимать феномен прощения и структурировать христианское нравственное учение о прощении, необходимо произвести историко-этимологический анализ, а именно: выяснить происхождение слов и исследовать социокультурные элементы их семантики, включая значения духовного порядка, связанные с основными сакральными смыслами христианства.

2 Стернин И. А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. 2002. Вып. 4. С. 87–88.

Анализ семантического ряда «милость (благодать) — прощение — извинение — помилование — благодать (милость)», с учётом особенностей в отдельных национальных языках, позволяет расширить семантическое поле концепта прощения и лучше усвоить его значение. Ключевые в данном контексте категории «прощение» и «милость» исследуются в различных концептосферах, в частности, межконфессиональной, христианской, славянской. В последней, к примеру, русский язык берётся за основу и сопоставляется с другими славянскими языками.

Исследования феноменов прощения и милосердия в контекстах лингвистической компаративистики и истории языка позволяет выявить и подчеркнуть связь языка и нравственности. Сравнительный лингво-исторический анализ показывает, что близкие к значению прощения и милосердия слова сформировались в древнееврейском, греческом, латинском, романо-германских и славянских языковых группах в целом семантическое поле, включающих несколько словообразовательных гнёзд. Смысловой ряд этих слов на протяжении веков формировал концепт «прощение». Языковая история отдельных народов позволяет понять, как в них возникали, сохранялись и развивались различные (нередко многочисленные) лексемы со значением «прощение».

1. Прощение до и после проповеди Христа

Можно с уверенностью утверждать, что «прощающее» поведение между людьми существовало до Иисуса Христа и вне иудео-христианских традиций. В буддизме Махаяны (самые ранние текстовые свидетельства, которые относятся примерно ко времени раннего христианства) добродетель невозмутимости, ведущая к духовной свободе (и то и другое высоко ценилось в раннем буддизме), занимает второе место после сострадания. В результате прощение становится выражением кшанти (терпения), одной из добродетелей (дхармы) бодхисаттвы (просветлённого человека, движимого великим состраданием).

В греческом языке прощающее поведение могло быть выражено словами из группы слов «συγγνώμη» — «прощение», «снисхождение», «исповедь», глаголы корня этого слова (συγγνώμη) переводятся как «сочувствовать», «воздерживаться», «прощать», «учитывать» или «извинять». Однако и древние греки, и древние римляне не прощали в том смысле, который прощение приобрело в рамках христианского концепта. В Античности акцент делался не на «признании и извинении» (как

это принято в христианской традиции), а на «оправдании»³. Другими словами, древнему прощению не хватало многих элементов, которые сегодня мы рассматриваем в качестве неотъемлемой части христианского концепта прощения, несмотря на то что и современное понимание прощения в христианстве продолжает оставаться дискуссионным, ожидая появления более точных и общепризнанных терминов.

В русскоязычном синодальном переводе Священного Писания слова «простить» и «прощение» употребляются в связи с еврейскими словами самого разного основного значения: «отпускать» (Пс. 31, 1), «не вменять» (Пс. 31, 2), «не поминать» (Ис. 43, 25), «изгладить» (Ис. 43, 25; Ис. 44, 22), «омыть»; «очистить» (Пс. 50, 4), «устранить», «убрать» (Пс. 24, 18), «извинить» (4 Цар. 24, 4; Неем. 9, 17) и «извинение» (Пс. 129, 4; Дан. 9, 9), «укрыть», «покрыть» или «стереть» (Пс. 77, 38; Ис. 22, 14; Иез. 16, 63). В некоторых случаях — «примирить», «переступить», «пройти мимо», «пропустить мимо», например в: Мих. 7, 18; 2 Цар. 24, 10; Иов. 7, 21.

Анализ текста Священного Писания позволяет сделать вывод о том, что к концепту прощения относятся не менее шестнадцати разных еврейских слов. К примеру, נָשַׁח («амнистия»), כָּפַר («заглаживать», «отпускать»), נָחַם («утешать», «сожалеть»); נָצַח («убегать», «спасаться»); סָלַח («извинять»); חַמְדָּה («жалость»); לָכֵן שָׁלַח («завершать», «примиряться»). Чаще всего за словами «прощение» и «простить» в русском языке стоят еврейские כָּפַר — [kāphar] — «заглаживать», «отпускать», נָחַם — [nāham] — «утешать», «сожалеть», סָלַח — [salah] — «извинять».

Этим словами в концепте прощения передаётся покрытие вины и грехов, сострадание, утешение, сокрушение, раскаяние, сожаление, милостивление, утешение, «освобождение от вздохов», освобождение, отпускание, выпускание, развязывание, поднимание, взятие, несение, восстановление, жалость, милость, любовь. Еврейские חַסְדִּים и חַמְדָּה, переводимые на русский язык, к примеру, как «благодать», «любовь, доброта» и «милость, милосердие» и однокоренные с ними слова, раскрывают оттенки милости: благосклонность, расположение к человеку, награду за помощь и верность, свидетельство любви (см. Быт. 19, 19; 24, 12; 39, 21; 40, 14; 47, 29; 1 Цар. 20, 8), милосердие, сострадание (Пс. 24, 6; 39, 12; 50, 3; 68, 17).

В греческом языке к концепту прощения относятся не менее семи слов: «ἀφεσις» («отпускание», «освобождение», «оставление», «отпущение», «расторжение брака»), «ἀφίημι» («освободить», «оправдывать»,

3 Konstan D. Assuaging Rage: Remorse, Repentance, and Forgiveness in the Classical World // Phoenix. 2008. Vol. 62 (3/4). P. 243.

«отсылать», «отпускать»), «χαρίζομαι» («давать», «даровать», «отпускать»), «ἀπολύω» («освободить», «отпускать», «отвязывать», «увольнять», «устранять», «распускать», «разводить»), «ἐπικαλύπτω» («покрывать», «прикрывать», «закрывать»), «καλύπτω» («скрывать», «прятать», «закутывать»), «ἰλεως» («милостивый», «доброжелательный», «любезный», «благосклонный»). Для выражения милости в книгах Нового Завета на греческом языке также используются слова «ἔλεεω» («сочувствовать», «жалеть», «иметь сострадание», «помиловать», «умилосердиться»), «ἔλεος» («милосердие», «жалость», «сострадание», «сочувствие») и «χάρις» («благосклонность, любезность, благожелательность»; «благодать, благоволение»; «благодарность, признательность, благодарение»).

В основном новозаветные тексты Священного Писания отражают концепт прощения с помощью греческих глаголов «ἀφίημι» («освободить», «оправдывать», «отсылать», «отпускать») и «χαρίζομαι» («давать», «даровать», «отпускать»), а также существительного «ἄφεσις» («отпускание», «освобождение», «оставление», «отпущение», «расторжение брака»). Слово «ἀφίημι» включает в себя значения «отсылать», «отпускать» (см. Мф. 13, 36), «оставлять», «покидать» (см.: Мк. 13, 34; Рим. 1, 27; Апок. 2, 4), «допускать» (см. Мф. 3, 15), «развязывать» (см. Ин. 11, 44), «испускать» (см. Мф. 27, 50). Этот лексематический аспект присутствует в юридическом термине «освободить от правовых последствий и обязательств» (см.: Мф. 18, 27; 1 Кор. 7, 11). Редко используемое слово «ἄφεσις», можно встретить в Лк. 4 (в синодальном переводе оно звучит как «освобождение», «свобода»), в Мк. 1, 4; Мф. 26 (здесь оно переводится как «оставление»). В свою очередь, «χαρίζομαι» передаёт прежде всего смысл «подарить что-либо кому-либо», «служить кому-либо» (см.: Лк. 7, 21; Деян. 27, 24; Рим. 8, 32), а также «выдать (человека)» (см. Деян. 25, 11). «Χαρίζομαι» обнаруживается только в посланиях апостола Павла.

Апостол Павел, первый христианский автор, говорящий о прощении, совершенно не случайно избирает вместо греческих слов из группы «συγγνώμη» именно слово «χαρίζομαι» для выражения нового концепта прощения и Богом, и человеком (см. Еф. 4, 32; Кол. 3, 13). Очевидно, что апостол видел сам и сообщал другим о наличии связи между глаголом, обозначающим дарование христианского прощения (χαρίζομαι), и существительными «милость», «дар», «благодать» (χάρις) и «радость» («χαρά»), которые делят с глаголом «χαρίζομαι» общий корень. Таким образом, апостол Павел использованием слов из группы «συγγνώμη» указывал на нечто новое в прощении (добровольный дар доброты),

неизвестное ранее. В синодальном переводе Библии «*χάρις*» передаётся по-разному: «благодать» (см.: Лк. 4, 22; Деян. 14, 26; Кол. 4, 6), «любовь» (см.: Лк. 2, 52; Деян. 2, 47), «подавание» (см. 1 Кор. 16, 3), «доброе дело» (см. 2 Кор. 8, 6), «благодарение» (см.: Лк. 17, 9; 2 Кор. 8, 16), «благодарность» в значении «вознаграждение» (см. Лк. 6, 32–34).

Правильному пониманию слова в языке способствует изучение синонимов. Имея одинаковое значение, они тем не менее могут отличаться по закреплённости за тем или иным стилем, по употребительности и по экспрессии. Согласно «Словарю синонимов и антонимов современного русского языка» под редакцией А. С. Гавриловой, «прощение» имеет следующие синонимы: извинение, помилование, милость, пощада, пардон, амнистия, отпущение. В свою очередь, ближайшие к «прощению» по смыслу «извинение», «помилование», «милость» имеют, соответственно, следующие синонимы: «оправдание, сожаление, раскаяние; прощение, помилование», «милость», «благодетельство, ласка, щедроты»⁴. Словарь Д. Н. Ушакова также связывает прощение с милосердием и помилованием (отменой наказания за вину или проступок)⁵. Также в качестве синонимов к слову «милость» в русском языке указываются «благоволение», «благодетельство», «помилование», «дар», «харизма», «благостыня», «щедроты», «доверие», «благосклонность», «ласка».

Согласно толковому «Словарю русского языка» Ожегова, под «милостью» в русском языке понимаются: «доброе, человеколюбивое отношение; благодетельство, дар; благосклонность, полное доверие, расположение к кому-нибудь низшему со стороны высшего»⁶. Сменить гнев на милость означает перестать сердиться. Сделать что-либо из милости — значит сделать по снисхождению. Д. Н. Ушаков указывает, кроме этого, такие значения «милости», как «великодушно-доброе, милосердное отношение»; «благодетельство, дар, милостивый поступок»; «доверие, расположение (заслуженное, приобретённое у кого-нибудь»⁷.

Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», милость — это благосклонность и покровительство со стороны высших сил и лиц, которых тот, кому оказывают милость, непосредственно не заслуживает. В частности, великая личность, гений кажется иногда человеком, которому покровительствует судьба.

4 Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. Москва, 2014. С. 127, 160, 260, 304.

5 Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. Москва, 1939. Стб. 1049.

6 Толковый словарь Ожегова онлайн: [сайт]. 2008–2024. URL: <https://slovarozhegova.ru/>

7 Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. Москва, 1938. Стб. 214–215.

Помилование — это заявление правосудия в свете уникальных обстоятельств отдельных случаев об освобождении конкретного лица от уголовного наказания (полностью или частично), о смягчении ему наказания или снятии судимости, если он ранее отбывал наказание. В этом смысле к помилованию близка по значению амнистия. Можно сказать о том, что помилование, право которого обычно принадлежит главе государства, это акт милосердия, применяемый по отношению к осуждённым за преступления лицам.

В процессе христианизации того или иного народа происходило заимствование иноязычных слов. Также использовалось калькирование греческих терминов, обозначавших важные понятия христианской веры. «Старое и при этом идеологически маркированное (во всяком случае не нейтральное) слово использовалось в новой ситуации с удержанием, а иногда и дополнительным развитием «отмеченности» указанного типа и, безусловно, с существенным преобразованием денотатной сферы, как правило свидетельствующим о сложности семантической структуры такого слова и богатстве его внутренних возможностей, обнаруживающемся при адаптации слова в новых условиях, и прежде всего при моделировании им не известных до тех пор внеязыковых ценностей»⁸.

В условиях христианизации национальных языков происходило формирование нового концептуального содержания у ряда слов, которые оказались связанными с выражением христианского концепта прощения. При этом в русском языке концепт прощения вошёл в число ключевых, являющихся наиболее важными для понимания национального менталитета русского человека и всей русской культуры.

2. Концепт прощения в русском языке

Слово «прощение» в русском языке имеет праславянские корни. Первоначальное праславянское выражение *prostъ* состоит из *pro* — предлога в значении «перед» — и глагола *sta* в значении «стать», «стоять» (тот же этимологический корень **sta* имеется, к примеру, в английском слове *stand*, немецком *stehen*). Существовавшее, видимо, ещё в праиндоевропейскую эпоху, первоначальное значение сочетания *pro* и *sta* — это «движение вперёд».

8 Топоров В. М. Святость и святые в русской духовной культуре. Москва, 1995. С. 420.

Со временем части сочетания соединились в общеславянские прилагательное *prost* («простой», «свободный») и глагол *prostiti* («освободите»). Практически во всех славянских языках существуют слова с корнем *prost-*, имеющие похожие значения: (болг.) *простя* («прощу»), *прѹстити*, (сербохорв.) *прѹстѣм* («простить»), (словенск.) *prostítiprostím* («простить»), (чеш.) *prostiti* («освободить»)⁹. Данная форма послужила образованию древнерусского многозначного прилагательного «простъ» со значениями «прямой», «обыкновенный», «просто устроенный», «свободный», «неизысканный», «откровенный», «простодушный», «скромный», и глагола «простити» в значении «освободить», «исцелить», «извинить», «простить», «позволить».

Первоначально, с приходом в Древнюю Русь христианской веры, в древнерусском языке IX–XI вв. для выражения христианского концепта прощения стали использоваться слова *оставити*, *отпустити*, *простити*.

Оставити в значении «простить» стало калькированием греческого глагола «ἀφίημι», имеющего в древнегреческом языке значения:

- а) «отпускать», «отсылать», «отправлять»; «пускать», «метать»; «издавать» (звук), «произносить» (слово), «испускать вопли, стоны», «проливать слёзы» и т. п.;
- б) «отпускать на волю», «освободить кого-либо от чего-либо»; «оправдывать (по суду)»;
- в) «отпускать (долг, платёж, подати)»;
- «отплывать»¹⁰.

В древнерусском языке глаголы «*оставити*, *оставляти*» были многозначными и употреблялись в значениях «оставлять в стороне, пропускать, не упоминать», «останавливать, не позволять», «удалиться, покинуть что-либо», «отпускать грехи»¹¹. Отглагольное существительное «*оставление*» выступало со значениями «отпуск, освобождение», «отсутствие внимания к кому-нибудь», «прощение»¹².

Анализ семантической структуры греческого слова «ἀφίημι» позволяет увидеть, что ядерным, интегральным семантическим признаком выступает сема «отправить, удалить что-либо от себя», при этом

9 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. Москва, 1987. С. 380.

10 Григоревский М. Х. Курс греческого языка по хоку и кэги. Т. 1. Санкт-Петербург, 1914. С. 224.

11 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Санкт-Петербург, 1902. Стб. 736–737.

12 Там же. Стб. 737.

активность субъекта действия заключается в том, что он что-либо «удаляет». При смене конкретного объекта действия на абстрактный становится возможен метафорический перенос значения, что происходит при использовании данного слова в священных текстах: «прощать», буквально «отстранять от себя (или от кого-л.) грех, отпускать». Для всех значений древнерусского *оставити* была характерна сема «покинуть что-либо, удалить что-либо или удалиться от чего-либо», которая также присуща семантике греческого слова «ἀφίημι», калькирующегося древнерусским «*оставити*» в значении «освободить от грехов». Субъектом прощения при этом выступает Бог. Синонимом глагола *оставити* в древнерусском языке являлся глагол *отпустити*, сохранивший и в современном русском языке значение «простить» (грех, вину и т. п.). Субъектом прощения в слове *отпустити* является Бог или посредник (священнослужитель), которые снимают вину с человека.

Практически изначально, наряду с глаголом *оставити* в значении «простить», в старославянских и древнерусских текстах священных христианских книг, переведённых с греческого языка, употребляется глагол *простити*. В дальнейшем наблюдается постепенное вытеснение слова *оставить* глаголом *простить* в современном значении «простить». В XVI–XVII вв. слово *оставить* в значении «простить» уже не встречается. В это же время синонимами *простить*, *прощение* становятся лексемы *извинить(ся)*, *извинение* в значениях «признать свою вину», «провиниться», «обвинение», «упрёк»¹³. Важно, что главной причиной вытеснения из священных текстов и разговорного языка глагола *оставити* и его замещения глаголом *простить* является развитие концепта прощения на территории восточных славян. Именно это прежде всего и повлияло на языковые средства выражения концепта прощения, в том числе на семантическую модификацию слов, имеющих корень *прост*.

Оказалось, что глагол *простити* в древнерусском языке по своей внутренней сути более точно выражал смысл христианской идеи прощения. Слово *простить* удивительным образом смогло обеспечить сочетание инновационного и архаичного. Древнее значение «очищение чего-либо от содержимого» соотносилось с новым значением «духовное очищение». В греческом «ἀφίημι» и в его церковнославянской кальке «*оставити*» прощение представляется «внешним отторжением», «удалением объекта (проступков, грехов) Богом от человека». У глагола *простить* источником действий выступает уже человек, наделяемый схожей с Богом действенной способностью. В христианстве суть прощения

заключается в том, что человек должен прощать всех, ибо Бог предназначает любить внутреннее «я» каждого человека точно так же и по той же причине, по которой мы любим самих себя¹⁴.

Со временем слово «прощение» наполняется понятием внутреннего очищения, нравственного опрощения, душевной свободы, прощением кого-либо и чего-либо. «Хирургическое» удаление от человека последствий его неправд (*оставити грехи*) сменяется, в аспекте прощения, на освобождение человеческой души от чувства вины за тот или иной проступок (*простити кого-либо*).

В семантике слова *простить* присутствует в качестве имплицитного смысла «раскаяние». Невозможно, не нарушив внутреннюю логику концепта прощения, сказать: «Я не виноват и прошу простить меня». Правильной будет фраза: «Я виноват и прошу простить меня». В то же время у слов *оставити*, *отпустити* такой пресуппозиции нет.

Обращает на себя внимание тот факт, что в процессе христианизации южных и восточных славян у глагола *простить* в болгарском, сербохорватском и словенском языках в полном объёме осуществилась семантическая замена «освободить что-либо» на «простить что-либо». Здесь непосредственным проводником христианских идей и мировоззрения между славянским и византийским мирами выступал церковнославянский язык. Однако в это же время в западославянских языках семантика слова «*простить*» аналогичного развития не получила. К примеру, в польском языке «*простить*» передаётся глаголами «*wybacyć*» и «*przeprosić się*», а прилагательное «*prosty*» осталось в старославянском значении «простой», «прямой». В чешском языке «простить» выражается лексемами «*prominout*» и «*odpustit*», а вот «*prostiti*» сохранило значение «освободить». Не исключено, что на это повлияли иные социально-культурные условия и препятствием для выражения концепта прощения посредством слова «простить» выступили католицизм и латинизация языка и культуры.

Согласно В. И. Даю, в русском языке существует корреляция между словами «прощать», «простить» со словом «простой», которое имеет значения: «порожний», «пустой», «ничем не занятый»¹⁵. Например, простой назовут пустую посудину, простой — нетрудную задачу и т.п. Простить — сделать простым от греха, вины, долга; извинить, отпустить кому-либо провинность, снять с кого-либо обязательство, освободить

14 Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда. Москва, 1992. С. 338.

15 Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. Т. 3. Санкт-Петербург; Москва, 1907. Стб. 1340.

от кары, от взысканья, примириться сердцем, не питая вражды за обиду, переложить гнев на милость, миловать. Далевский образ прощения — это соединение пустого и простого, где пустой и простой сплетаются воедино, дополняя друг друга. Эта связь двух оттенков слова обогащает наше понимание самого прощения. В таком контексте прощение позволяет не только освободить другого человека от вины, но и расстаться с обидами, враждой и гневом, поскольку к значению слов «пустой» и «простой» прощение добавляет освобождение не только другого человека или группы людей от вины, но и себя от обиды, вражды, гнева.

Современная русская глагольная группа прощения включает в себя четыре единицы. Помимо собственно глагола «прощать», в неё входят «оправдывать», «отпускать» (грехи), «извинять». Оправдание кого-либо предполагает логическое обоснование его действий, тем самым смягчающее преступление, подразумевающее объявление его невиновным и тем самым освобождающее его от обвинения или наказания. Отпускать грехи кому-либо — значит освободить его от чувства вины за свои действия, от духовных последствий своих проступков. Лингвистическими «оттенками» прощения также могут выступать «отмена», «очищение», «потворствование», «необращение внимания». Отмена означает аннулирование или стирание долга или правонарушения, как если бы их никогда не существовало. Очищение предполагает устранение любых сомнений или подозрений, связанных с действиями лица, восстановление его репутации, а также влечёт за собой освобождение лица. Потворствовать — значит не замечать или прощать проступок, принимая его, не выражая неодобрения. Не обращать внимания на проступок означает сознательно принять решение не заикливаться на поступке и не винить в нём обидчика, проявляя сострадание и понимание.

Заключение

Анализ лингвистического концепта прощения в русском языке позволяет говорить, что прощение — это восстановление простоты в межличностных отношениях, приведение их в соответствие с нравственной нормой и законом человеческой природы; прямое и простое (правдивое) отношение к себе, другим людям, жизненной ситуации, предполагающее честность взгляда (не искажённого осуждением или злобой) и открытость высказывания (что, впрочем, не исключает такта

и деликатности). Результатом прощения становится состояние свободы и обретение более «прямых», «простых» отношений между сторонами¹⁶.

Прощение — это не только исцеление человеческих отношений, но и исцеление человеческой души. Прощение является актом освобождения, так как освобождает нас от бремени и цепей гнева, обиды, боли, страха и негодования, которые отягощают нас. Прощение позволяет нам жить с большим покоем, радостью и эмоциональной свободой. Это мощный акт заботы о себе и любви к себе, который позволяет нам освободиться от негативного воздействия прошлых обид и принять светлое будущее. Выбирая прощение, мы освобождаем себя от боли прошлого и открываем себя миру возможностей и личностного роста. Когда мы держимся за обиды и отказываемся прощать, мы остаёмся в ловушке порочного круга негатива и эмоционального рабства. Однако, когда мы решаем простить, мы освобождаем себя от этих оков и открываем дверь к исцелению.

Прощая кого-то, кто причинил нам зло, мы избавляемся от желания отомстить. Мы больше не позволяем действиям других определять наше поведение или диктовать нашим эмоциям. Вместо этого мы возвращаем себе силу и берём под контроль наше собственное счастье и благополучие. Прощение позволяет нам двигаться вперёд по жизни, не обременённой прошлым. Уход негативных эмоций открывает дорогу для наступления позитивных переживаний: они пронизывают душу, как нежный ветерок, приносящий с собой ароматы сочувствия, милосердия и нежности.

Неправильно толкование слов «прощение» и «прощать» в Священном Писании может послужить причиной существенных ошибок, в том числе доктринального характера, поэтому изучение оригинальных еврейских и греческих слов, анализ лингвистического концепта прощения в национальном языке помогают понять и применить истолкованное слово с глубиной смысла, заложенного в оригинал автором.

Тот факт, что апостол Павел использует в посланиях для обозначения прощения греческое слово «*χαρίζομαι*», подчёркивает явленную во Христе новую сущность прощения. Раскрывая христианский концепт прощения, апостолы, а за ними и многие поколения святых отцов, применяя существовавшие ранее в национальных языках слова, стали наполнять их новым смыслом, чтобы передать новый, открытый

16 *Архипова М.В.* Прощение как социально-психологический феномен // Сборник материалов XVI Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге 25–28 мая 2016 г. Санкт-Петербург, 2016. С. 17.

им Духом Святым масштаб христианского прощения — феномена, который ранее не был известен миру и является результатом ниспосланной Богом милости, действием Его благодати.

Источники

- Symeon Neotheologus. Capita alphabetica [Dub.] // Αγίου Συμεών τοῦ Νέου Θεολόγου Ἀλφαβητικά Κεφάλαια. Mount Athos: Ἱερά Μονή Σταυρονικήτα, 2005. Σ. 28–360.*
- Симеон Новый Богослов, прп. Слово 4 // Слова преподобного Симеона Нового Богослова / в переводе на русский язык с новогреческого епископа Феофана. Вып. 1. Москва: Типо-литография И. Ефимова, ²1892. [Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, ¹1993]. С. 44–57.*

Литература

- Архипова М. В.* Прощение как социально-психологический феномен // Сборник материалов XVI Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге 25–28 мая 2016 г. Санкт-Петербург: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 17.
- Григоревский М. Х.* Курс греческого языка по хоку и кэги. Ч. 1: Этимология. Санкт-Петербург: Типо-Литография Энергия, 1914.
- Льюис К. С.* Любовь. Страдание. Надежда: [Притчи, трактаты: пер. с англ.] / [авт. предисл. Н. Трауберг; авт. коммент. С. А. Кузина и др.]. Москва: Республика, 1992.
- Стернин И. А.* О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. 2002. Вып. 4. С. 87–94.
- Топоров В. М.* Святость и святые в русской духовной культуре. Москва: Гнозис; Шк. «Языки рус. культуры», 1995.
- Konstan D.* Assuaging Rage: Remorse, Repentance, and Forgiveness in the Classical World // Phoenix. 2008.Vol. 62 (3/4). P. 243–254.

Словари

- Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2-х т. Т. 1. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 3: (добродетельно — изгечися). Москва: Рус. яз., 1990.
- Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. Москва: Аделант, 2014.

- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / изд. отд. рус. яз. и словесности Императорской акад. наук. Т. 2: Л–П. Санкт-Петербург: Тип. Императорской акад. наук, 1902.
- Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля / под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 3: П–Р. Санкт-Петербург; Москва: Товарищество М. О. Вольф, 1907.
- Толковый словарь Ожегова онлайн: [сайт]. 2008–2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 21.07.2023).
- Толковый словарь русского языка: [в 4 т.] / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2: Л — Ояловеть / сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, проф. Д. Н. Ушаков; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Москва: ГИИНС, 1938.
- Толковый словарь русского языка: [в 4 т.] / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 3: П — Ряшка / сост. проф. В. В. Виноградов, проф. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, доц. С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, проф. Д. Н. Ушаков. Москва: ГИИНС, 1939.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: [в 4 т.] / пер. с нем., доп. О. Н. Трубачева. Т. 3: Муза–Сят. Москва: Прогресс, ²1987.